

Шэнь Вэньлан не любил конец рабочего дня.

Потому что тогда исчезал Гао Ту.

Шэнь Вэньлан не любил Гао Ту.

Потому что тот заканчивал работу.

Шэнь Вэньлан не любил омег.

Потому что Гао Ту был бетой.

Шэнь Вэньлан не любил бет.

Потому что они — не Гао Ту.

Шэнь Вэньлан не любил выходить из себя.

Потому что Гао Ту принимался извиняться.

Шэнь Вэньлан не любил извинения Гао Ту.

Потому что это он сам выходил из себя.

Шэнь Вэньлан не любил саму любовь.

Потому что Гао Ту то нравилось, то не нравилось.

Шэнь Вэньлан не любил нелюбовь.

Потому что Гао Ту то нравилось, то не нравилось.

.....

Шэнь Вэньлан прикинул так и эдак: похоже, он всегда четко знал, чего именно он не любит.

А что он любит?

Он любил чай, заваренный Гао Ту, одежду, которую Гао Ту ему подбирал, а еще — Гао Ту до появления у него пары и Гао Ту в рабочие часы, когда у него уже появилась пара.

После того как Гао Ту впервые взял отгул, чтобы ухаживать за своей парой, Шэнь Вэньлан слег.

Как нелепо: раньше он симулировал болезнь лишь бы обмануть Гао Ту, но по-настоящему еще никогда не болел. Теперь же он заболел по-настоящему, но рядом не было ни души.

В нем зародилась странная, путаная смесь любви и ненависти, и в мучительных подсчетах потерь и обретений он с болью осознал: Гао Ту день и ночь ухаживает за тем, кто возник из ниоткуда, безмолвный и чужой.

Гао Ту и он — чужие друг другу, совсем не похожие на друзей.

Он и Гао Ту — близки, но вовсе не любовники.

Поэтому Шэнь Вэньлан не мог произнести слово люблю и не мог произнести слово ненавижу.

Позже у Шэнь Вэньлана появилась невидимая для остальных лиса.

Все эти годы Гао Ту неизменно проводил с парой периоды ее течки. Шэнь Вэньлан не смел спросить, кто это; он столько раз пытался сорвать покровы, потому что каждый день тянулся все дольше прежнего, и каждое испытание было горше предыдущего: сначала день или два, потом это превратилось в пять или шесть дней.

Шэнь Вэньлан просто терпеливо ждал, не в силах ничего изменить, оставалось лишь ждать на прежнем месте — ведь это была избранная Гао Ту пара, это было законное время окончания работы Гао Ту.

Явившаяся тогда лиса была рыжей. Небольшая, она легко и изящно бежала по ледяному сердцу, ее пушистый хвост красиво взметал снег на ледяной равнине, а лапы норовили закрыть глаза, но при этом она почему-то упрямо вскидывала голову.

До чего же милая, Шэнь Вэньлан шагнул ближе, но рыжая лиса оглянулась на него с почти издевательской усмешкой, и мало-помаду она стала появляться все чаще.

Порой она изо дня в день повторяла короткий пронзительный визг, пока голос не срывался до хрипоты, пока весь снег не заливало ее кровью, пока небо не окрашивалось в сплошной багрянец, пока Шэнь Вэньлан при одном взгляде на нее не начинал ощущать боль.

Порой она превращалась в силуэт Гао Ту, порой корчила рожицы, порой заводила разговоры,

высмеивая его тягу к порядку...

Шэнь Вэньлан знал: завидовать — постыдно, но эта лиса, когда ее раскусили, даже не попыталась скрыться и по-прежнему сидела не двигаясь.

Тогда Шэнь Вэньлан говорил себе: он и без того сквернослов, вспыльчив, заносчив, мелочен... по крайней мере, он должен сохранить добродетель, которую одобрил бы Гао Ту.

Из-за всех этих недостатков Гао Ту уже отдалился от него.

Теперь же он намерен выковать в себе добродетель — такую, чтобы зависть оборачивалась фальшью на словах, а тоска — молчаливым терпким немим убогом.

Иногда Шэнь Вэньлан хотел спросить лису: не срослась ли зависть с его плотью и кровью настолько, что уже не отличить, где он, а где она? Ведь выкованная добродетель всегда дает сбой: в мыслях трепетное стремление, а в итоге — словно острием клинка по живому.

Лиса не отвечала, лишь повторяла короткие пронзительные визги, харкала кровью и обрекала его на бесконечную, безнадежную боль.

Он вспомнил, как во времена его мнимой болезни Гао Ту готовил ему кокосовую воду — в процессе он то и дело вслух проговаривал рецепт.

Тогда он думал: уж он-то никогда не заболеет.

Теперь же он думал: почему тогда он не учился?

Наивная, простодушная лиса смотрела на него, и ему казалось, что он полнейший глупец.

Гао Ту не обмолвился ни словом, отправившись в Тяньхуэй, склонив спину до самой пыли. На эти взгляды, эти руки, это белое пятно Шэнь Вэньлан хотел броситься, чтобы вырвать все поодиночке, переломать и сокрыть от глаз, но Хуа Юн говорил: то было его время после работы.

Явившаяся лиса рванулась вперед с диким рывком, принялась скакать, а затем нырнула в глубокую траву и принялась терзать добычу одну за другой. Шэнь Вэньлан бросился к ней, подзывая, послушная лиса замерла и с угодливым хвастовством вытащила множество плодов.

— То были гранаты Владыки Подземного Царства.

Как же заманчиво: одно-единственное гранатовое зернышко могло купить целый месяц, а

Персефона съела четыре зернышка граната, и теперь каждый год четыре месяца она обязана проводить рядом с Владыкой Подземного Царства.

Видишь ли, если невозможно заполучить чье-то сердце, получить человека целиком — тоже неплохо; а если не можешь получить его целиком, то пусть он хотя бы постоянно находится поблизости — это тоже сойдет.

Но у него есть свое время окончания работы.

И тогда Шэнь Вэньлан молча ковал добродетель.

— То были вишни, которых Тантал вечно не мог отведать.

Тантал — тот человек, стоящий в воде под низко нависшими ветвями фруктового дерева; когда он наклоняется попить, вода отступает, когда тянется сорвать вишню, налетевший порыв ветра уносит ветку высоко вверх.

Если съесть эту вишню, кто станет новым Танталом? Шэнь Вэньлан чувствовал: уж точно не Гао Ту.

Гао Ту и был той самой вишней.

Стоило ему лишь встать там, как Шэнь Вэньлан задирает голову вверх — снедаемый бессильной злобой, но неспособный дотянуться.

Он ведь сам стоял под деревом, но для Гао Ту всегда находилось столько ветров.

— То были виноградины Вакха Бинкса.

Выпьешь того виноградного нектара — и рухнут любые рамки разума. Вырвется наружу любая бурная стихия. Растворится в хмельном дурмане вся путаная боль.

Поцелуй и объятия — и в одно мгновение состариться вместе.

В этом мире так много людей, да пусть даже все они, лишь бы принести ему радость.

.....

Но виноград Вакха обернется обоюдоострым клинком — что именно он рассечет?

Если пасть в пучину...

Шэнь Вэньлан думал об этом, но не смел играть в такую игру.

Каждый раз, когда являлась лиса, он думал: кто же здесь сохранил трезвость рассудка, не окажется ли он сам единственным, кто увяз в этом окончательно? Но было не угадать — Гао Ту неизменно ускользал с пугающей легкостью.

Если Гао Ту был единственным, то самого Шэнь Вэньлана обрекли нести тяготы его единственного греха. Греха этого не высказать вслух, и он думал: ну и пусть, так и буду охранять его. Гао Ту хранит свою пару, а он — Гао Ту, словно лиса, сторожащая ту самую не успевшую созреть виноградину.

Не позволяя лисе сорвать ее, он пусть лучше эта виноградина так и зреет на высокой лозе, вечно недосягаемая.

Не дотянуться — он смотрит; не отведать — он грезит; боится потерять — он стережет; боится уронить — его ладони изо дня в день раскрыты наружу.

По крайней мере, он обязан беречь ту добродетель, что пришлась по душе Гао Ту, — в надежде, что однажды, когда Гао Ту сам этого захочет, он поднесет ему всех своих лис и все сокровища на раскрытых ладонях.

Сегодня в разгар полярного дня Шэн Шаою увлек Гао Ту прямо у него из-под носа, заявив, что сейчас у того время после работы.

Четкие границы разделения существовали, оказывается, лишь у него самого.

Будь проклято это время окончания работы!

В каждый отрезок времени, свободный от него самого, рядом с Гао Ту мог оказаться кто угодно.

Но этим кем-то никогда не был он сам.

Он проявил слабость и променял лисью виноградину, думая, что сможет выжидать и заманивать, но сегодня он оплошал.

Лиса Шэнь Вэньлана явилась вновь.

На сей раз она просто тихо лежала, ничего не слыша, не видя, не желая и не говоря ни слова,

не оказывая ни малейшего сопротивления, позволяя черной, густой, удушливой мути разливаться без края и конца, дюйм за дюймом, пока та полностью не скрыла ее с головой.

В этой вязкой мути плавала печаль Шэнь Вэньлана, рушилась его гордость, а вместе с ними тонули крупницы потерь и та самая добродетель, от которой он решил отказаться.

Быть может, Хуа Юн был прав: методы у него слишком мягкие.

Ему следовало выбрать гранаты Владыки Подземного Царства, вино Вакха.

Раз уж нельзя завладеть тем, чтобы он был поблизости, придется день за днем добиваться его тела. Окутать его всеми бурями и всей влажностью страсти, и если уж он заплачет в этом безумном угаре, то лишь потому, что предстал перед ним безо всяких добродетелей.

Лиса исчезла.

Шэнь Вэньлан наконец отчетливо понял: это и было его сердце, любившее Гао Ту.

<http://bllate.org/book/19429/1902864>